

Десяткова Ольга Владимировна

кандидат культурологи,
доцент кафедры культурологии и журналистики
Вятского государственного университета
dom-hors@mail.ru

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ЮЖНОВЯТСКИХ ГОРОДОВ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЯЗЫЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА [1]

Аннотация:

Статья посвящена изучению семантики культурного ландшафта средневековых городов южной Вятки. Сакральная география данного культурного локуса представляется в виде наслаивающихся друг на друга марийского языческого текста и русского пространственного образа, включившего в себя как официальную православную идеологию Московской Руси, так и культурные смыслы народного православия. В исследовании подробно проанализирована полисемантика культурного ландшафта региона, понимаемого как система сакральных мест.

Ключевые слова:

сакральная география, вятские марийцы, язычество, христианство, военные походы Ивана Грозного.

Desyatкова Olga Vladimirovna

PhD in Cultural Science, Assistant Professor of
the Cultural Science and Journalism Department,
Vyatka State University
dom-hors@mail.ru

SACRAL GEOGRAPHY OF VYATKA SOUTHERN TOWNS: INTERSECTION OF HEATHEN AND CHRISTIAN WORLDVIEWS [1]

Summary:

The article studies cultural landscape semantics of medieval towns of the southern Vyatka. The sacral geography of the given cultural locus is represented as an interpenetration of the Mari heathen text and Russian spatial image that absorbed both official Orthodox ideology of the Moscow Russia and cultural meanings of the folk Orthodoxy. The author researches in detail polysemantic features of the cultural landscape of the region, interpreted as a system of sacral places.

Keywords:

sacral geography, Vyatka Maris, heathenism, Christianity, military campaigns of Ivan Grozny.

Южная Вятка представляет собой обширное пространство, включающее в себя территории бывших Яранского и Уржумского уездов Вятской губернии. Сейчас это территории Санчурского, Тужинского, Кикнурского, Советского, Пижанского, Яранского, Лебяжского и Уржумского районов Кировской области. К моменту появления русских на Южной Вятке здесь обосновались луговые марийцы, вытеснившие удмуртов и подчинявшиеся татарам. Массовая русская колонизация происходила во второй половине XVI в., во времена военных походов Ивана Грозного на Казань и «Черемисских войн».

После покорения Казани в 1552 г. на южных и юго-западных границах Вятской земли стали строиться пограничные крепости, из которых впоследствии возникли города Царёвосанчурск, Яранск, Уржум, Малмыж, слобода Кукарка. В XVII в. недалеко от бывших казанских пригородов Малмыжа, Уржума, Яранска, Санчурска южнее Камы проходила земская засечная черта – линия укрепления, оборонявшая юго-восточные окраины Руси от набегов ногайских татар, калмыков и казахов. На основе сложившейся в это время геополитической ситуации конструируется и ментальная география южновятской земли. Ее семантика в соответствии с русской средневековой картиной мира выстраивается с помощью сакральных образов и символов. Как отмечают исследователи, семиотическая структура культурного ландшафта России представляет собой «застывшую в пространстве волну колонизации» [2]. Если карта Московской Руси есть икона, начертанная в пространстве, то вновь завоеванные земли, заселяемые русским христианским населением, постепенно занимали соответствующее этому видению мира место.

Однако на протяжении столетий территория южной Вятки была локусом финно-угорской культуры, ее пространство наделялось смыслами их истории, языческой мифологии, отразившейся в почитании сакральных мест ландшафта. Так, южновятский регион стал местом столкновения языческой и христианской картин мира. Археологи здесь обнаружили «изделия с традиционной языческой символикой, корнями уходящей в культуру как финно-угорского, так и славянского мира, и расчленив этнические истоки тех или иных изображений порой невозможно» [3].

В топонимах южной Вятки сохранились древние черемисские названия. Царёвосанчурск, например, был основан на месте важнейшего татаро-черемисского поселения по указу Бориса Годунова в 1584 г. Западная половина коренного населения уезда звала себя «шанцара-морэ». Шанцара, согласно преданию, была царица местного народа и жила в Санчурске [4]. По исто-

рической версии, марийское поселение Шамчура было основано вассалом казанского хана, князем Полтышем в 1554 г. для защиты Казанского ханства и марийских земель от возможных нападений со стороны Русского государства [5]. Название вновь основанного города переосмыслило финно-угорский топоним, подчеркнув покорение крепости русскому царю.

Происхождение топонима Кукарка легенда также связывает с именем национального вождя – Великого Карки. Хотя краеведы с этой версией не согласны и утверждают, что данный топоним восходит к марийским словам Кук (кугу) – большой, карга – ковш или кар – селение [6]. Название Малмыж также происходит от черемисского и означает «место отдохновения», сна, «остановка», «становище». Уржум – с удмуртского – «белку вижу», однако мари это поселение называли Пюж-еда или Пюж-Ола – «крапивный город».

Основополагающие мотивы исторической прозы Вятского края, имеющей древнее происхождение и финно-угорские истоки, проанализировала Ю.В. Приказчикова. В марийской сакральной географии выделяется мотив почитания горы, связанный обычно с гибелью богатырей – легендарных предков, особо почитаемых марийцами вождей. Гора является также и местом жительства богатырей, которые строили укрепленные городища на возвышенных местах [7, с. 16]. Марийский князь Болтуш, по одному из преданий погибший в битве с царскими войсками, похоронен на горе, носящей название Болтушиной. Другими богатырями, почитаемыми вятскими марийцами и татарами, стали три брата Акпатыр, Шиквава и Казаклар. Места для своих захоронений они выбирали, стреляя из лука. По одной из версий предания, еще при жизни они высадили там березы, по другой, их похоронили заживо [8, с. 17]. Береза стала объектом почитания Акпатыра. Пророком и военачальником мари считали также и Кукарку, жившего на горе с подземным ходом. О нем говорили: «Желанный бог, горный старик, хранит наши белые души» [9, с. 81]. Однако местом его почитания в каждой деревне были священные рощи, где ему приносили благодарственные жертвы в виде жеребят, баранов, гусей.

Из исторических преданий следует, что марийские вожди долго отстаивали свои земли, но постепенно они переходят на сторону русских, и даже воюют с еще не покорившимися одноплеменниками. Болтуш, например, вместе с русскими воевал против Кукарки [10, с. 83]. В результате своего поражения, черемисы вынуждены уходить с обжитых земель. В народных преданиях представлены легенды о выборе мест для новых селений: когда был взят г. Малмыж, «кн. Болтуш, выбежав на большую гору, увидел клен и опоясал его пояской. Дождавшись своей дружины, уснул под старым кленом. Проснувшись, он увидел свою дружину около себя, но клена не было... Кн. Болтуш спрятал свою дружину в лес, а сам пошел искать клен. Нашел на берегу Вятки в 12 верстах от г. Малмыжа. Срубил, сделал из клена-самохода лыжи, на которых пошел с поклоном в Москву к царю Ивану, который разрешил ему поселиться в том месте, где обновился клен-самоход» [11, с. 97].

Казанский поход не мог не стать причиной возникновения памятных мест, связанных с именем Ивана Грозного, на Вятке. В начале XX в. местные жители рассказывали о горе, с которой Иван IV наблюдал битву своего войска с черемисами и о существовавшей здесь часовне. Удачные военные походы Ивана Грозного положили начало христианизации бывших языческих земель. Закладываемые русскими колонизаторами города-крепости наполняются христианскими святынями, включающими южную Вятку в состав расширяющегося на восток Третьего Рима.

Прежде всего, это сакральные памятники в честь подвига русских воинов, духовно объединяющие их потомков к новой земле через почитание завоевателей, принесших сюда свет истинной веры. Места сражений и захоронений отмечали часовнями, которые маркировали пространство православия на отвоеванных у язычников землях, символизировали принадлежность завоеванных территорий Российскому государству. Подобное культовое место существовало в Малмыже. Есть два мнения по поводу того, в каком месте состоялось столкновение отряда Даниила Федоровича Адашева с черемисами. Краеведами указывалось Пушкарёвское кладбище и Часовенное место, где «прежде стояла какая-то часовня». По словам М.Г. Худякова, часовня принимается за построенную Д.Ф. Адашевым на поле битвы после погребения павших воинов [12].

Заступницей и помощницей в борьбе с иноземцами на Руси особо почиталась Богоматерь. Так, Донской образ присутствовал в русском воинстве на Куликовском поле. Ко времени военных походов Ивана Грозного, который рассматривал войну с Казанью в качестве крестового похода, восходит почитание Казанского образа Богоматери. Казанская икона является списком с древней Влахернской иконы, относящейся к иконописному типу Одигитрии-Путеводительницы, и была обретена в 1579 г. Священный образ способствовал возвышению православия среди волжских мусульман, сопутствовал Ермаку в его сибирском походе. Согласно русско-православному мировоззрению, благодаря благодати Казанской Богоматери «за несколько десятков лет русские землепроходцы-миссионеры прошли на восток, «встречь

солнца» многие тысячи километров и в праздник Покрова в 1639 г. вышли в первое плавание по Тихому океану, благовествуя спасение окрестным народам» [13].

Первый православный храм Казани – Благовещенский собор, где и была помещена икона, воздвигнут по велению Ивана Грозного на месте явления святыни. Архитектура главного собора – «грандиозного здания о пяти главах полукруглой формы, одновременно похожего и на московский Успенский собор, и на мечеть Кул Шариф» [14] – обозначила новый сакрально-символический статус бывшей ханской столицы. Не случайно храмы, посвященные образу Казанской Богоматери, появляются и в городах южной Вятки.

Среди малмыжских святынь известна икона Знамения Пресвятой Богородицы, принесенная в 1584 г. нижегородскими стрельцами. В начале 1590-х в честь нее была построена первая деревянная церковь, которую можно отнести к комплексу памятников, посвященных покорению Казани. Митрополит Казанский и Астраханский Гермоген получил от патриарха Иова разрешение на церковное поминовение здесь воинов, убитых при покорении Казанского царства в разных местах [15, с. 26]. Однако, по свидетельству М. Худякова, малмыжскую Знаменскую церковь в первой половине XVII в. заменила церковь Пречистой Богородицы Казанская. Исследователь храмовой архитектуры Уржума Д.С. Казаков предполагает, что и здесь во второй половине XVII в. была построена Казанско-Богородицкая церковь.

Как и в других местах, образ Богородицы становится почитаемым среди инородцев, в представлениях которых сочетается языческий культ природы с верой в чудодейственную силу христианских святынь. Так, согласно марийскому преданию, в Уржуме на речке Белой, была обретена икона Божьей Матери «Живоносный источник», образ исцелил множество язычников от глазных болезней. Уверовав, они приняли христову веру, а обретенный образ был помещен в устроенную часовню [16, с. 5].

Языческий ритуал был способом адаптации к внешней среде, как показал А.К. Байбурун, его основная идея – преобразование «природы» в «культуру», «чужого» в «свое». В русской традиции мотив разграничения «своего» и «чужого» выразился в обряде «опахивания» – воспроизведения основной операции, совершавшейся при основании поселения, когда плугом проводили борозду, ограничивая определенную площадь земли. Постоянное воспроизведение данного обряда направлено на обновление и усиление границы между «своим» и «чужим» [17]. Не случайно подобные обряды постепенно включались в календарный цикл.

В русско-православных поселениях функции обряда «опахивания» берёт на себя Крестный ход. С марийской святыней, иконой Божьей Матери «Живоносный источник», совершался Крестный ход из Уржума в Белорецкую часовню. С этого же времени устанавливается ежегодный «Низовый» крестный ход с чудотворными иконами через первые русские села на юге Вятского края: Цепочкино, Петровское, Космодемьянское и Уржум.

Очевидное переплетение языческой и христианской картины мира нашло отражение в ритуальных функциях сакральных мест, связанных с почитанием Николая Чудотворца. На мельнице, построенной монахами Цепочкинского монастыря, была обретена икона Николая Чудотворца, где появляется так называемая Шумская часовня. По преданию, как только икону приносили в часовню, она возвращалась на мельницу, поэтому было две иконы – в часовне и на мельнице. Согласно другой легенде, икона плыла по реке Буя, ее достали нищие, после чего и была построена часовня. По рассказам местных жителей, «на берегу Буя на возвышенном месте стояла часовня. Там каждый год в Николин день праздновалась шумиха. Торговцы, главным образом из мари, окружали часовню своими товарами... Вода была целебная... Сюда привозили детей и больных, под старой ивой оставляли в дар деньги, шерсть, еду» [18, с. 121–122].

Общерусский культ Николая Чудотворца, широко представленный в вятской культуре, сохранил явные отголоски языческих представлений. У русских св. Николай отождествлялся с Велесом: «Никола, – пишет Б.А. Успенский, – подобно своему языческому двойнику, почитался как покровитель скота, земных вод, дождя, податель изобилия, плодородия и богатства. В народном сознании св. Николай является «покровителем народа», выражением «демократической сущности земли» [19, с. 54]. У марийцев Николай Чудотворец сливается с покровителем этого народа, аналогом славянского Велеса – богом Юмо. Поэтому и моление на Николу Вешнего велось марийцами Николе-Юмо. Камень с изображением Юмо лежал в селе Шурма Нижняя Уржумского уезда. Здесь также существовала часовня во имя Святителя Николая, расположенная на ключе, вода которого попадала на священный камень. Марийцы верили, что эта вода исцеляет от трахомы.

Форпостом христианизации инородческого населения стал Спасо-Преображенский монастырь, вокруг которого концентрируется приходящее русское население. Русские города обретают защиту не только в виде укрепленных стен, но и священного градозащитного образа Спаса. Для южновятских крепостей конца XVI–XVII вв., находящихся в центре враждебной инородческой

стихии, это имело особенную значимость. Малмыжскую и Яранскую иконы Спаса предание считает даром самого Ивана Грозного. «Спас Царский», хранившийся в малмыжском соборе, был помещен на башне над крепостными воротами, поэтому башня стала называться Спасской, а улица, на которой она находилась, получила название Башнеспасской [20, с. 19]. Еще один образ Спаса Нерукотворного, так называемый «Древний образ», служил Д. Адашеву походным знаменем при взятии Малмыжа и был помещен в часовне, сооруженной на братской могиле [21, с. 19]. Известной святыней Малмыжа также была икона св. Ильи Пророка, помещенная в особой часовне. Икону принесли стрельцы, присланные московским правительством в 1580 г. из Нижнего Новгорода. В честь этого образа стрелецкое поселение стало именоваться Ильинским [22, с. 25].

Таким образом, семантика знаковых мест южной Вятки представляется в виде наслаивающихся друг на друга трех локусов культуры: марийского и русского, который в свою очередь состоит их официальной православной идеологии Московской Руси и народного православия. Памятные места культурного ландшафта возникли в результате исторических событий. При этом в марийской картине мира исторические лица наделяются мифологическими чертами, потому легендарные места захоронения марийских вождей становятся сакральными точками культурного ландшафта. Их почитание обеспечивает духовную связь живых с умершими предками, с землей, где они издавна жили и были похоронены. Для русских переселенцев такими сакральными локусами стали места гибели и захоронения предков-завоевателей. Сакральная география включает языческий культ природных объектов – особо почитаются возвышенности, рощи, отдельные деревья и водные источники. В русском православии сохранялись многие языческие пережитки, подобная ситуация позднее возникла и в картине мира крещеных финно-угров. Языческий культ природы дополняется христианскими образами. Одновременно с этим официальная власть формирует сакральное пространство русских городов на южной Вятке по образцу всех православных крепостей Руси, хранимых священными образами христианства.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и научных школ.
2. Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/geopanorama_russkoi_kultury (дата обращения: 01.10.2012).
3. Егоров А.В. Заселение русскими людьми Южной Вятки. URL: <http://moscowia.su/raboty-konkursa-nasledie-predkov-molodym/zaselenie> (дата обращения: 15.09.2012).
4. Там же.
5. Исчезнувшие города Кировской области. URL: <http://letopisi.ru/index.php> (дата обращения: 15.09.2012).
6. Там же.
7. Приказчикова Ю.В. Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск, 2009
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Худяков М.Г. Исторический очерк Малмыжа // Труды Вятской учёной архивной комиссии. 1915. Вып. II–III, отдел III.
13. Православный календарь. Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани. URL: <http://days.pravoslavie.ru> (дата обращения: 20.09.2012).
14. Девярых Л.И. Казань. Забытое и неизвестное: художественно-публицистическое издание. Казань, 2002. URL: <http://www.cds-kazan.ru> (дата обращения: 20.09.2012).
15. Худяков М.Г. Указ. соч.
16. Казаков Д.С. Уржум православный: храмы и люди. Нолинск, 2008.
17. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре восточных славян. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. URL: <http://www.gnozis.info/?q=node/4903> (дата обращения: 21.09.2012).
18. Казаков Д.С. Уржум православный: храмы и люди. Нолинск, 2008.
19. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture (дата обращения: 21.09.2012).
20. Мохова Г.А. Нерукотворный образ Спасителя на Вятской земле. Киров, 2010.
21. Худяков М.Г. Указ. соч.
22. Там же.

References (transliterated) and notes:

1. The research is performed by the grant from the President of the Russian Federation aimed to support young Russian researches and academic schools.
2. Lavrenova O.A. Obraz mesta i ego znachenie v kul'ture provintsii // Geopanorama russkoy kul'tury. Provintsiya i ee lokal'nie teksty. URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/geopanorama_russkoi_kultury (date of access: 01.10.2012).
3. Egorov A.V. Zaselение russkimi lyud'mi Yuzhnoy Vyatki. URL: <http://moscowia.su/raboty-konkursa-nasledie-predkov-molodym/zaselenie> (date of access: 15.09.2012).
4. Ibid.
5. Ischезnuvshie goroda Kirovskoy oblasti. URL: <http://letopisi.ru/index.php> (date of access: 15.09.2012).
6. Ibid.
7. Prikazchikova Y.V. Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraja: Materialy i issledovaniya. Izhevsk, 2009

8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Khudyakov M.G. Istoricheskiy ocherk Malmyzha // Trudy Vyatskoy uchënoy arkhivnoy komissii. 1915. Issue II–III, otdel III.
13. Pravoslavniy kalendar'. Yavlenie ikony Presvyatoy Bogoroditsy vo grade Kazani. URL: <http://days.pravoslavie.ru> (date of access: 20.09.2012).
14. Devyatykh L.I. Kazan'. Zabytoe i neznaemoe: khudozhestvenno-publitsisticheskoe izdanie. Kazan', 2002. URL: <http://www.cds-kazan.ru> (date of access: 20.09.2012).
15. Khudyakov M.G. Op. cit.
16. Kazakov D.S. Urzhum pravoslavniy: khramy i lyudi. Nolinsk, 2008.
17. Bayburin A.K. Ritual v traditsionnoy kul'ture vostochnykh slavyan. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavvianskikh obryadov. Spb., 1993. URL: <http://www.gnozis.info/?q=node/4903> (date of access: 21.09.2012).
18. Kazakov D.S. Urzhum pravoslavniy: khramy i lyudi. Nolinsk, 2008.
19. Uspenskiy B.A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Relikty yazychestva v vostochno-slavyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo. M., 1982. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture (date of access: 21.09.2012).
20. Mokhova G.A. Nerukotvorniy obraz Spasitelya na Vyatskoy zemle. Kirov, 2010.
21. Khudyakov M.G. Op. cit.
22. Ibid.